

Марк Некрасовский

Марк Некрасовский – член Союза писателей России, Республиканского союза писателей ЛНР – луганское отделение МСП. Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, литературных журналах (около ста публикаций). Автор книг: «Мы Одиссеи в жизни и любви» (2006), «Мы всё же достигаем высоты» (2007), «Танго смерти» (2016), «Кровавая пыль. Летопись войны» (2022). Лауреат литературных премий им. Михаила Матусовского, «Молодой гвардии», Олега Герасимова, Владимира Гринчукова, «Гранатовый браслет» (СПР). По мотивам поэмы «Танго смерти» – постановка в Ханта-Мансийске, на сцене «Югра Классик» – «Последнее танго», режиссёр Инна Голикова. Живёт в Луганске.

СЕПАР

Рассказ из цикла «Новая мифология Донбасса»

«Кто не скаче, тот москаль, кто не скаче, тот москаль...» И все скакали. Все, кто стоял на майдане Незалежности, вне зависимости от возраста, пола или здоровья. Скакали так, как будто от этих прыжков зависела судьба Украины. Геннадий прыгал вместе со всеми: раз он тут, то выделяться нельзя – чужака разорвут на части. Геннадий помнил, что именно так и с такими же лозунгами прыгали кубинцы Фиделя – «кто не прыгает, тот янки». История развивается по спирали, правда, кубинцы ещё бросали в сторону Соединённых Штатов камни. Камни падали в океан, не причиняя врагу никакого ущерба, но смысл ясен: побитие дьявола – вот что сближает народ и освящает действия власти. Добро против зла. Воины света и воины тьмы. Хорошая идея. Надо её запатентовать и получать за это деньги. Ведь можно собрать народ в Мариуполе и кидать в сторону Таганрога гравий. Это покруче километрового флага Украины или таких же рушников. Правда, прыгали кубинцы в середине прошлого века, когда только освободились от «братских» объятий США. Куба под американцами – страна богатых отдыхающих из США и нищего и неграмотного коренного населения. Поэтому и использовали психологию толпы. Но это только вначале строительства новой Кубы – потом пытались достучаться до разума и совести каждого кубинца. А Украина – страна поголовной грамотности, да и на дворе 21-й век, а эти прыжки на главной площади Украины – никого это не шокирует. «Козье болото» – вдруг выплыло из памяти старое название майдана. Да нет, не козье, а баранье. Только баран может тратить так бездарно свою жизнь. Ведь цель всего этого балагана – сделать бедных ещё беднее, а богатых ещё богаче. Хотя и козлиное не в меньшей степени. Только козлы – это «вожди» Незалежной, недаром в старые времена, когда пастухам надо было перегнать отару на бойню, к баранам запускали козла. Козёл становился бараньим вожаком. У козлов это получается легко – наглые и напористые. И когда наступало время, козёл, не мучаясь совестью (какая у козлов совесть?), вёл привычным маршрутом всю отару на бойню. Наконец прыгать перестали, и один из толпы «козлов», стоящих на трибуне, начал рассказывать о тяжёлой доле «неньки» Украины, о её внешних и внутренних врагах. В это время сосед Геннадия – пузатый мужик в вышиванке и с висячими украинскими усами, до этого прыгавший энергичней всех, внезапно захрипел и упал на брусчатку. Судя по быстроте явившихся медбратьев и врача, майдан строго контролировался теми, кому надо. Врач прикоснулся к шее лежащего и сказал сам себе: «Ещё один... И зачем он прыгал? И так видно, что не москаль». Труп унесли, и Геннадий сосредоточил своё внимание на выступающем. Как он здесь оказался? Ведь говорили, что после премьерства он стал миллионером и бегаёт в красных трусах по пляжам Нью-Йорка. И на тебе! Опять лезет в политику. Может, деньги кончились? Не может быть! Украл он столько, что и правнукам должно хватить. У французов была линия Мажино, а у нас линия обороны имени

Кролика, защищающая страну разве что от кроликов. И заметьте – построенная за те же деньги. После пламенной речи сумасшедшего кролика толпа скандировала лозунги: «Путин х...ло, Путин х...ло», «Украина превыше всего...» Затем вышел «козёл» в шикарном дизайнерском платье и туфлях на высоком каблуке, нет, это был не Ляшко, но назвать «козой» Юльку Геннадий не решился. Из всех украинских политиков она, пожалуй, была единственным «мужиком». Решительная, жёсткая, идущая к цели по трупам врагов и бывших «друзей». Говорила она опять же о «гибридной» войне и о врагах, но вся её речь свелась, пожалуй, к одному – победы не будет, пока президентом не станет пани Юля. После выступления Юльки пели гимн: «Ще не вмерла України ні слава, ні воля...» Пела вся площадь. Песня и чувство локтя превратили толпу в единый организм, и каждый поющий верил, что Украина не умерла и не умрёт и что «сгинуть вороженьки» и будет Украина «от Сяна, до Дону». Дон пока ещё принадлежит России, но настанет день, и Дон, и Кубань, и Белгородская область, и Воронежская – всё будет украинским. Пели, забывая о гражданской войне, которую стыдливо называли антитеррористической операцией, о страшной инфляции и растущих коммунальных тарифах, о нищете и безработице, о неработающих законах и о растущем бандитском беспределе. Геннадий пел вместе со всеми и громче всех, чтоб никто и не подумал, что он не «щирий» украинец. Тем более с его биографией: Геннадий родился и жил до войны в Луганске. И только тогда, когда первые дальнобойные снаряды стали падать на город, он собрал семью и вещи и переехал в столицу Украины. А к дончанам и луганчанам отношение сейчас особое. Потенциальные «зрадники». К моменту, когда гимн был спет, толпа уже была на взводе: скажи – и прямо с майдана пойдут бить внешних и внутренних врагов. И в это мгновение к микрофону подошёл главный «козёл» страны. Хотя он больше был похож на хряка, жирного и злоупотребляющего спиртным. Он же «пан президент». «Любі друзі. Братья и сёстры. Родина в опасности», – произнёс президент с дрожью в голосе и сделал паузу. «“Любі друзі” – это он украл у Ющенко, “братья и сёстры” и “Родина в опасности” – у Сталина, – подумал Геннадий. – Значит, когда надо, и коммунистическим прошлым не побрезговал. Россия – главный враг, а фабрику свою в Липецке так и не закрыл. Такие, как он, за прибыль не только Родину, но и мать родную продадут, брата зарежут». Президент продолжил свою речь о соседе-агрессоре, которого при помощи НАТО и Соединённых Штатов Америки обязательно Украина победит. «Санкции и летальное оружие! Санкции и летальное оружие!» – как заклинание вновь и вновь повторял президент. Затем он сделал паузу и перешёл к «внутренним» врагам. «Сепаратисты – вот главное зло. Истребим их и одержим победу. Они везде. Они даже здесь с нами. Поют наш гимн и готовят теракты. Готовят “зраду”. Оглянитесь, и вы поймёте, кто предатель!» И толпа, ещё мгновение назад бывшая единым организмом, вдруг опять превратилась в отдельных индивидуумов, которые с недоверием смотрели друг на друга. Геннадия рассмешила речь пана президента. Надо же – по внешнему виду искать «сепаратистов». На них, наверное, будут георгиевские ленты повязаны? Или майки с портретом Путина? Или сепаратистов будут искать по форме черепа? Один из соседей Геннадия, пенсионер в кепке с вышитым трезубом, вдруг закричал тонким фальцетом: «Нашёл! Нашёл!» – И неожиданно крепко для его возраста схватил Геннадия за руку. И – о, ужас! – на его, Геннадия, сумке, висевшей на правом плече, какая-то сволочь привязала георгиевскую ленту. Кольцо из разъярённых людей плотно сжалось вокруг Геннадия. Он почувствовал удары, щипки и упал на брусчатку, потеряв равновесие. Всё, конец! Сейчас его затопчут насмерть «братья» и «сёстры». Избиение властным окриком остановил пан президент: «Мы европейская держава и будем судить этого сепаратиста по закону». Геннадия подняли и, передавая из рук в руки, перетасили к помосту, на котором стояла вся козлиная братия. Пан президент продолжал: «Мы его будем судить всем миром. Как вы решите, так и будет». И Майдан, снова ставший единым организмом, начал кричать: «Москаляку на гиляку! Москаляку на гиляку!...» Главный козёл подвёл итог: «Как панство решило – так и будет!» Зазвучал марш сечевых стрельцов, и занавес за спинами «козлов» начал раздвигаться, открывая вид на эшафот и длинный ряд верёвочных петель. Геннадия потащили к петле, поставили на табурет и накинули петлю на шею. И Геннадий понял, что это конец. Эти не пожалеют. Кролик называл всех луганчан и дончан «генетическим мусором» и «недочеловеками». Юлька предлагала всех сжечь «ядерной бомбой». И каждый из этих «козлов», каждый без исключения, был по горло в крови мирных жителей Донбасса. И толпа, которая поставила «козлов» во власть и поддержала войну, была не менее их виноватой в убийствах. От неё ему ждать пощады нельзя. Геннадий закричал. Вернее – завыл. Тоскливо, протяжно, безнадежно. Так кричат от безысходности, когда всё уже решено, решено не тобой, и спасения нет... Геннадий про-

снулся от собственного крика. Сердце вырывалось из груди, пульс – под двести ударов. Ещё немного такого сна – и кондрашка хватит. Да и не сон это, а кошмар. Кошмар, реальный до ужаса. Даже тело болело от щипков и ударов, полученных во сне. В последнее время кошмары снились Геннадию почти каждую ночь. То теракт в супермаркете и лежащие на полу без движения жена и сын, а кругом – убитые и раненые. То пьяные добрабатовцы, избивающие его и сына до смерти и тянущие жену Геннадия в кусты. Каждый новый кошмар страшнее предыдущих. Семья не проснулась от крика Геннадия – все спали с берушами. А соседи? С соседями и так хорошие отношения не сложились – пусть терпят. Если правда, что сны – это наши потаённые желания, а кошмары – наши страхи, то доля ответственности в его кошмарах лежит и на соседях. Как так получилось? Геннадий помнил, как встречали первых беженцев («переселенцев») из зоны АТО и Крыма – как героев. Не остались с сепаратистами-террористами, не сбежали в Россию. Наши! Настоящие украинцы. Правда, встречали и помогали в основном добровольцы-волонтеры за свои или собранные с безразличных людей деньги. Да и ненадолго всё это. Максимум две-три недели, ну месяц от силы. Пан президент обещал. Но время шло, поток беженцев только увеличивался. Шли месяцы, а затем и годы. Пошли первые раненые и убитые. Дебальцевские и Иловайские котлы с тысячами убитых и раненых отрезвили самых ярых майдановцев – пропала вера в молниеносную победу. Прерванные связи с Россией оказались фатальными – продукция украинской промышленности стала невостребованной. Запад сам хотел бы продать свои товары, а Россия – «страна-агрессор» и ей продавать нельзя. Все заводы, кроме тех, которые были связаны с войной, закрылись. Рабочих уволили или выгнали в бессрочные неоплачиваемые отпуска. В стране безработица, а тут беженцы, готовые работать на любых условиях и за копейки. Квартиру не снимешь – цены, опять же из-за беженцев, поднялись. Сочувствие и понимание сменялись ненавистью и неприятием. Геннадий вспомнил телефонный разговор с Ленкой-одноклассницей, которая переехала из Луганска в город Северодонецк, ставший областным центром Луганской области. Работу ей дали такую же, как и была в Луганске, – в административной структуре, а вот поселили «временно» в санатории, в комнате с четырьмя беженками. Наступила зима, и хозяин санатория, не получивший ни копейки от государства, отключил в нём свет, воду, тепло и электричество. Елена плакала и спрашивала совета: «Что делать? В Луганске нет работы, а Северодонецке нет жизни». Что ей посоветуешь? Терпи! Может, завтра война кончится, и мы все вернёмся? Но постепенно приходило понимание и уверенность, что прежней жизни уже никогда не будет. И те луганчане, что остались в Луганске, не будут жить под Украиной. И добробаты, пока не вырежут всех сепаратистов, то есть всех оставшихся, не успокоятся. Елена плакала: годы идут, а жизни нет, а Наташка ожесточилась. Геннадий учился с ней в одной академической группе в пединституте, а потом, после выпуска, хоть и не дружили, но время от времени общались. Нормальная была девчонка! И на тебе – позвонила общему знакомому Семёну, оставшемуся в Луганске, и начала кричать в трубку телефона: «Вас, сепаров, всех надо убить! Всех, кто в городе остался! Разбомбить с самолёта! Всех, без исключения!» Семён пытался звать к Наташкиному разуму: «Здесь же твои родители остались. Их тоже убить?» А в ответ – площадная брань и пожелание своим же родителям – побыстрее сдохнуть. Выключил мобильный Семён. Спорить с такими бесполезно. Наташка удивила. Хотя, если посмотреть, то самые отпетые украинские националистки получают из бывших коммунисток. Одна Фарион чего стоит. Та самая Фарион, которая рассказывала первоклассникам, что если мальчика зовут Ваней, а не Иванко, то он должен собрать чемодан и уехать в Россию. Недаром Хайдарыч, бывший друг, ставший ярым украинским националистом, кстати, тоже в прошлом коммунист, серьёзно утверждал, что правительство Украины должно вручить Фарион медаль за потерю Крыма. Шутка, в которой слишком много правды. Правда, какие они коммунисты? В партию лезли ради должностей и денег. Если завтра к власти придут люди нетрадиционной ориентации, то хайдарычи и фарионши, не колеблясь, вступят в их ряды. Хайдарыч – тот ещё фрукт. Мама – русская, папа – волжский татарин, а туда же – украинский националист. Рассуждает о трипольской культуре – прародине украинцев – с такой убеждённостью, что и не переспоришь. Твердит, мол, древние украинцы-трипольцы могли одной лишь силой воли убивать врагов на расстоянии. И это при том, что от культуры Триполья не осталось письменных источников. Только керамика с определёнными узорами. И язык украинский самый древний. И хетты говорили на украинском. А первый город в Европе догадаться чей? Украинский!!! А Чёрное море кто выкопал? Украинцы!!! А казаки-характерники? Маги, колдуны. Потомки трипольцев. Наверное, Хайдарыч до сих пор с удовольствием читает о Гарри

Поттере и верит в Деда Мороза. А когда началось АТО, Хайдарыч, нисколько не сомневаясь, пошёл в СБУ и сдал всех своих знакомых «сепаратистов», тех, кто думал не так, как он. И при этом страшно возмущался, что там ему не заплатили ни копейки. «Зачем ты настучал на своих друзей?» – спросил его Геннадий. И Хайдарыч ни на секунду не задержался с ответом: «Я не стучал. Я сотрудничал». А Семён был и остаётся для Геннадия единственным источником правдивой информации о жизни в Луганске. Геннадий звонил и спрашивал, как живёт город. И, слыша каждый раз, что жить трудно, но многое делается для улучшения ситуации, не злорадствовал, а радовался и даже завидовал – да, им трудно, но они дома. Сам бы вернулся, так ведь работы нет. Хотя поначалу жаловаться на жизнь ему было грешно. В отличие от большинства своих друзей и знакомых, Геннадий переехал в Киев довольно удачно. Выехав одним из первых, он сумел перевезти на своём автомобиле не только семью, но и все деньги и ценности. Снял квартиру. Пусть и не в центре, но недалеко от станции метро и относительно, по киевским меркам, недорого. Более того, снял модуль на авторынке и открыл точно такую же торговлю автомобильными скатами и шинами, как и в Луганске. Весь свой товар Геннадий закупал в Европе. На момент начала войны последнюю партию он не успел растаможить в Одессе. Повезло. Всё перевёз в Киев и стал торговать. Луганчан в городе много. Есть и небедные. На иномарках. Старые клиенты. Узнали, где торговая точка, и стали приезжать по мере надобности. Бизнес пошёл. И с клиентами Геннадий умеет разговаривать – любой разговор поддержит – недаром окончил исторический факультет, «комиссарский» – язык подвешен. Ведь кроме качественного товара в торговле всегда нужно уметь этот товар правильно подать. Когда селёдку продают – подсолнечным маслом смазывают, чтоб блестела. Так же и скаты смазывают. Для этого у Геннадия и силикон специальный и щётка для обработки. Соседи по ряду на рынке, торгующие таким же товаром, как у Геннадия, становились с утра к нему в очередь, чтоб натереть свои скаты его силиконом и его же щёткой. Геннадий не удивлялся. Любовь к халяве – это, наверное, наша национальная черта. Пытаясь сблизиться с соседями по торговле, Геннадий несколько раз приносил на рынок водку и закуску. Сосед должен быть другом. И за товаром приглядит, когда надо отойти, и, когда вор рядом, товар не даст украсть. В Луганске все рыночники дружили между собой. И праздники и горе – всё было общим. Слово дал – держи. А здесь улыбаются в лицо и делают гадости. Водку соседи выпили, еду съели, а потом, отвернувшись, каждый ел своё, принесённое из дома. Ментальность такая. Что тут сделаешь? И сегодня Геннадий взял коньячок, сухую колбаску и лимон. Ещё одна попытка наладить контакты. Геннадий вышел пораньше, чтоб не встречаться с гопотой, тусующейся во дворе. В последнее время она стала проявлять к Геннадию и его семье повышенное внимание. Они же луганчане, а значит, из-за них все беды, начиная от подорожавшей водки и кончая убитым на войне племянником. Оставив машину на платной стоянке, Геннадий вошёл в рынок и подошёл к своему ряду, в котором стоял его торговый модуль. И остолбенел от увиденного. Один из соседей заносил в свой модуль лестницу-стремянку. Другой держал в руках кисть и банку с краской. А на модуле Геннадия, над дверью, большими транспарантными буквами так, чтобы было видно издалека, его «дорогие» соседи написали краской слово-приговор – СЕПАР. Стараясь сохранять спокойствие, Геннадий открыл модуль, разложил товар и стал натирать щёткой с силиконом скаты. А затем, так же не торопясь, можно сказать, демонстративно, нарезал колбаску и лимон, открыл коньяк и налил себе стопку по самый край. И соседи, абсолютно не стесняясь, тут же оказались возле его модуля. «Наливай, Генчик, чего ждёшь? – секундная пауза. – Я возьму твою щётку и силикон?» Геннадий не ответил. Налил себе ещё стопку и, не торопясь, наслаждаясь содержимым, допил её. Съев кусочек колбасы, ответил: «Вам коньяк вреден. Особенно чужой – давление повышает. И силикон пора свой купить – не обеднеете». Улыбки сползли с лиц «друзей-соседей». А Геннадий, взяв в руку монтировку, вышел из модуля и, не повышая голоса, спросил: «Есть ещё вопросы?» Вопросов не было. Забились шакалы в свои модули и носа не показывали. Но мавр своё дело уже сделал. В десять утра появился постоянный покупатель Геннадия. Тоже выходец из Луганска. Но, увидев надпись на модуле, он, не глядя в глаза Геннадию и не здороваясь, прошёл мимо и купил скаты у конкурентов. После обеда история повторилась дважды. А перед закрытием к модулю подошёл директор рынка и, тоже не глядя в глаза, предупредил, что договор аренды он не будет продлевать по понятной им обоим причине. Геннадий закрыл модуль и пошёл на стоянку, где находилась его машина: продлить время парковки – ездить нетрезвым он себе никогда не позволял. Рядом со стоянкой толпились люди и стояли машины скорой помощи и милиции. «Что случилось?» – спросил Геннадий у одного из зевак. Тот посмотрел на него и ответил: «Да сто-

рожа избили. Не давал машины с донбасскими номерами крушить. Пришли тут молодчики в балаклавах искать внутренних врагов. Дурак. Зачем он вмешался? Так им донбасским и надо!» Геннадий посмотрел на свою машину – окна выбиты, капот помят, фары разбиты, колёса проколоты. Посмотрел и плюнул. Что тут сделаешь? Домой он добирался на метро. Но нет худа без добра. Приехал бы на машине – попал бы под банду Вовки-Атошника. Тот его поджидал возле придомовой стоянки. Обещал переломать Геннадию все рёбра как представителю луганских сепаров. Да не вышло. Подошёл Геннадий к подъезду с другой стороны и успел заскочить в него раньше, чем гопники добежали до подъезда. Дома тоже не всё в порядке – жена в слезах, а сын заперся в своей комнате и молчит. Пришёл домой из школы в грязной одежде, синяк под глазом. Сын долго отмалчивался, но затем признался. Бил его за школой весь класс. Учили Украину любить. Пел гимн Украины и кричал: «Слава Бандере». Пел, пока не охрип. Только после этого отпустили. Сел Геннадий на диван. Посмотрел на жену и сына и сказал: «Всё! Возвращаемся! Хватит! Нагостились! Товар скину по закупочной. Не купят – тут его брошу! Семён не пропал, и мы не пропадём. Там мы дома, а здесь чужие. И своими никогда не станем!» И повеселели и сын и жена. И Геннадию сразу стало на душе легко и радостно. Правильное решение. Жена расставляла тарелки на столе – пора ужинать. И тут Геннадий увидел в углу кухни спортивную сумку. «Чья это сумка?» – спросил он. «Да это к тебе Хайдарыч заходил. Наверное, он и забыл», – ответила жена. Геннадий взял мобильник и набрал Хайдарыча. «Привет! Как дела? Что нового?» А Хайдарыч всё о своём: «Будущее независимой Украины важнее судьбы простого гражданина! Счастье для истинного украинца – пожертвовать своей жизнью ради благополучия родины!» Так сам бы и жертвовал. А то сидит в столице – на войну не идёт. Пусть другие умирают? Да ну его к чёрту! Не до него. Выключил Геннадий мобильник и сидит – мечтает, как он возвратится домой. Мечты его прервал настойчивый звонок в дверь. Наверное, Хайдарыч за сумкой пришёл. Жена пошла открывать и как-то странно вскрикнула в коридоре. В квартиру ворвались люди в военной форме с автоматами наизготовку. СБУшники! Три секунды, и сын и Геннадий лежали на полу, расставив руки и ноги. Один из одетых в военное снимал всё происходящее на камеру. В комнату пригласили понятых. Главный (в руках у него была кожаная папка) взял сумку Хайдарыча и пригласил понятых осмотреть содержимое. А смотреть было на что. Гранаты, взрывчатка, пистолет, патроны и главный компромат – георгиевская лента. Ну и сука ты, Хайдарыч! Провокатор. Вот он о чём долдонил! Это он моей семьёй пожертвовал ради счастья Украины! Интересно – денег ему теперь дали за сотрудничество?

* * *

На следующий день телеагентства Украины дали бегущей строкой новость о раскрытии диверсионной группы сепаратистов в составе трёх человек, занимавшихся сбором информации и готовящих ряд террористических актов. Новость большого интереса не вызвала – каждый день такие же группы разоблачают. СБУ не спит. Работает.

